

Пубертат. Мунк.

Ещё субтилен верх, но низ налит.
Невинности сургуч – и взгляд, и поза,
лишь нежной кожи свет-электролит
проводит тайну той метаморфозы,

которая должна произойти,
но чувственности трепетная птица
ещё в пути. Пока ещё в пути.
Торчат по-детски острые ключицы,

чем дольше смотришь, тем тревожней взгляд,
тем напряжённой сомкнуты колени,
приходит мысль в который раз подряд,
что тень первична... Из зловещей тени

незримой силой вытеснило в мир
испуганную девочку-подростка,
чья женственность –.пока намёк, пунктир
в рождении портрета из наброска,

и только мотыльками бьётся страх
неведомой, но неизбежной доли
да скрытая мольба в её глазах..
да мир вокруг, настоящий на боли.

Другу

Желтизны почти не видно в кронах,
но вчерашний август закатился
перезрелым яблоком к затону,
тронув небо боком золотистым.

За окном полощутся пайетки
ветром разлохмаченного
клёна,
пляшут человечки-статуэтки
на ещё живом, ещё зелёном...

Пляшут, пляшут... Это – в застеколье.
Там, где ты – другое и другие.
Там – круглогодичное застолье
непереходящей ностальгии.

Кондиционер гоняет страхи,
остужая прошлое фреоном,
чей-то ямб сменяет амфибрахий,
и опять стихи, стихи – прогоном.

О минувшем. Проза разночтений.
Прогоркают давние надежды.
В переборе чьих-то
изречений
ты то врозь с собой, то снова смежно.

Кто-то подойдёт, огня попросит...
– Нет, не жаль, курите на здоровье, –
и тотчас же канешь в осень
зыбким светом, смешанным с любовью.

Остывший город

Умножались годы, люди, луны,
друг у друга в окнах отражаясь,
сколов крыш касался тонкорунный,
облачный уют небесной шали.

Так хотелось верить – потеплеет,
но сиял молочно-белой кожей
намертво остывший город Клее,
некогда на город мой похожий.

Не про рыб

Давным давно пора без лишних драм
и прочей инфантильной рефлексии,
спокойно осознать: любой Адам
скорей палач твой, нежели мессия.
Они – такие, Доноры ребра,
три "Д" формат их душ Другого ряда,
сначала – вроде ангелов добра,
а поживёшь – того "Добра" не надо.
Пардон, но я, о женском, о своём –
кому не интересно, отвалите! –
про то, как лето сдюжили вдвоем,
как осень пестроперую в зените
на пару, раздувая, стерегли
наперекор и стерлядям, и стервам,
пока не сбились с курса корабли
и не уплыли по попутным нервам.
Теперь их бесполезно возвращать,
распилены в Бермудах на иголки,
теперь их океан – бадья борща
с покрошенной в неё ботвой свеколки.
А ты – про рыб... Не комильфо – про рыб!
Хотя смешно про тонны неликвида,
про монитор озоновой дыры,
про непомерный груз Кариатиды...
О, как же непомерен этот груз!!
Реальный мир – реальные ловушки,
фунт лиха с желчной горечью на вкус
без виртуальной и хмельной отдушки.
А где-то – царство праздности и флуд,
и привкус, нет, не вечности, но мыла,
но там – Жалеютплачутизовут,
а я однажды пожалеть
забыла...

СпасиБо

Знаешь, вечер тянется в сентябре,
словно в детстве сжёванный "буббль гум",
в нём ни слова правды о жизни нет,
вот сейчас пишу, а по-правде – лгу.

Лгу про всё, про чудный осенний лес –
уж лет пять, как след мой в лесу простыл,
в одиночку – страшно, с подружкой – бес –
компромиссно взорваны все мосты...

Интересно знать, отчего так вдруг?
У судьбы всегда в мышеловке сыр.
Я скажу тебе: всех моих подруг
заменял давно повзрослевший сын.

Это – крест на розе моих ветров,
это – гнев и милость в штормах норд-ост,
но душа к душе, и к нутру нутро,
а любовь и боль – в пуповинный рост.

Это – проэдипово
колдовство,
с каждым днём сильнее пуповинный тяж,
вектор одиночества – статус-кво,
кладезь одиночества – камуфляж.

Сколько отпускала! Им несть числа –
городам его и дорогам... Бо!
Пуповинный узел добра и зла
разруби для мальчика моего.

Он уже вполне оперился сам,
он готов крест несть из своих свобод,
раздувай, натягивай паруса,
обо мне не спрашивай, я – не в счёт.

Слепцы и смотрины

В этих чёртовых оболочках
Стёрты души до волдырей...
Я прошу тебя, Святый Отче,
посылай им поводырей,
тем, кто сердцем незряч настолько,
что вплотную не разглядеть,
как по осени стыдно-горько
обнажённой калиной рдеть.
Гроздей тяжкую переспелость
отпевают басы ветров,
не успеется – не успелось
заневеститься на Покров.
Будут ливни точить балясы,
омывая нагую статью...
Что потом?...
Обряжаться в рясы
да корнями в снега вмерзать.
Пьяных ягод ронять рубины
под глухой хохоток слепцов.
это – поздней любви смотрины,
не смотри, не смотри в лицо...